

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОНТОЛОГИИ АРТЕФАКТОВ»
(МОСКВА, 15–16 НОЯБРЯ 2010 г.)

Д.Н. ДРОЗДОВА

Технологические новшества, машины и приборы, синтетические материалы и искусственно созданные продукты с каждым днем все основательней проникают в нашу жизнь. И во всем, к чему прикасается человек в своей повседневной жизни, остается все меньше естественного и природного. На его место приходит артефакт – продукт человеческого замысла и действия. Это бросающееся в глаза изменение характеристик жизненного мира человека не может не стать особым предметом философской рефлексии. В последние годы многие исследователи обращаются к проблеме вовлеченности человека в научно-техническую культуру. Особое место в рамках этой проблематики занимает вопрос о собственном онтологическом статусе технологии и артефактов.

Именно этой проблеме была посвящена прошедшая 15–16 ноября 2010 г. в Москве международная конференция «Онтологии артефактов», организованная факультетом философии ГУ–ВШЭ совместно с Европейским университетом Санкт-Петербурга при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Научного фонда ГУ–ВШЭ. Конференция стала не только местом встречи и дискуссии между историками, философами и социологами России и Запада. Гораздо более значимым был иной ее аспект: она должна была познакомить российскую публику с одним из наиболее интересных и перспективных направлений современной западной «науки о науке», которое носит название Science and Technology Studies (STS) – исследования науки и технологии. Развиваясь параллельно с классическими исследованиями научной деятельности (философия и история науки, социология науки, социология знания), это междисциплинарное направление пытается объединить черты этих дисциплин, опираясь на

методы и подходы социологии, философии и истории науки и техники. При этом значительное внимание исследователей обращено к проблемам взаимоотношения науки и общества, таким, как влияние науки на политический выбор, значимость технологий для повседневной жизни или роль общественного интереса в научной практике.

Подобная цель во многом определила и структуру конференции: она больше напоминала выездной семинар, чем привычный коллоквиум. Необычным было уже то, что вся конференция целиком и полностью проходила на английском языке. Основное слово было предоставлено приглашенным докладчикам, среди которых были звезды первой величины, признанные лидеры дисциплины: Гарри Коллинз, Эндрю Финберг и др. После каждого доклада оставалось время для обширной дискуссии, в ходе которой с комментариями выступали российские участники, представлявшие ведущие российские институции, занимающиеся проблемами науки и технологии.

Работа конференции была разбита на три тематические пленарные секции, в ходе которых обсуждались различные вопросы, относящиеся к философии, истории и социологии артефактов.

Первое пленарное заседание было посвящено общим философским проблемам, связанным с присутствием артефактов в окружающей жизни. Оно было открыто докладом *Линн Бейкер* (Массачусетский университет в Амхерсте, США) «Онтологическая значимость артефактов», в котором была затронута проблема сущностной состоятельности тех материальных объектов – компьютеров, лодок, стиральных машин и т.д. – которые искусственно создаются человеком и несут на себе отпечаток замысла и интенций своих создателей. Профессор Бейкер, опираясь на позицию конституционализма, показала, что было бы неверно полагать такие объекты онтологически второстепенными только на основании их зависимости от человеческой деятельности. Артефакты представляют собой нечто большее, чем просто агрегат первичных элементов, из которых они сделаны, они не могут быть редуцируемы к природной материальной основе, поэтому должны входить в перечень существующего на тех же правах, что и природные объекты. А зыбкая грань между современными технологиями и природными объектами показывает, что традиционное разделение искусственное/естественное уже изжило себя и не описывает в достаточной мере онтологию окружающего мира.

Тему неразрывной связи естественного и искусственного и влияния технологии на наше представление об окружающем мире продолжил доклад *Эндрю Финберга* (Университет Саймона Фрезера, Канада) «Десять парадоксов технологии». По мнению докладчика, философская рефлексия над техникой и принципами ее функционирования позволяет трансформировать наши базовые логико-онтологические представления. На место линейной логики («целое порождается его

частями») приходит логика обратной связи («часть зависит от целого, а целое – от его частей», «не действенность техники объясняет успех, а успешность оценивает ее действенность», «мы создаем технологии, которые создают нас», и т.д.), которая в столкновении со здравым смыслом принимает форму парадокса.

Доклад Ханса Раддера (Амстердамский Свободный университет, Нидерланды) «Почему технологии сущностно нормативны?» более подробно раскрыл тему «обратной связи» между деятельностью человека и создаваемой им реальностью. По мнению профессора Раддера, технологии, т.е. устойчивые и воспроизводимые искусственные функциональные системы, являются носителями нормативности, поскольку их реализация, использование и поддержание в рабочем состоянии предъявляет определенные жесткие требования к человеческому поведению. Эта коренящаяся в онтологической структуре артефакта нормативность приобретает социальную значимость в силу того, что функционирование сложного технического устройства делает необходимым создание системы контроля за действиями контактирующего с ним персонала.

Завершил работу пленарного заседания доклад Ольги Столяровой (ГУ–ВШЭ, Россия) «Жизненный мир и базовые онтологические принципы: проблема генезиса», в котором онтологическая направленность современных исследований науки и технологии, предельно ясно прозвучавшая в предыдущих докладах, сама стала предметом особого рассмотрения. Если ранее исследователи, сделавшие науку и ее технические приложения объектом своего анализа, интересовались в первую очередь эпистемологическими вопросами, то в последние годы центр внимания философов сместился в сторону онтологии. Уже не отвлеченные научные теории, а меняющие облик мира технологии вышли на первый план. Стало очевидным, что без осмысления онтологической природы искусственного дальнейшее развитие исследований науки и технологий представляется проблематичным. Перед лицом этого «онтологического поворота» в ином свете предстает и интеллектуальный потенциал российских исследователей, поскольку марксистская традиция, долгое время господствовавшая в нашей стране, содействовала появлению и особого типа осмыслению научной практики, представленной, например, в работах Бориса Гессена и Эвальда Ильенкова, которые не потеряли своей актуальности по сей день.

Работа этого пленарного заседания сопровождалась жаркой научной дискуссией, в ходе которой с комментариями выступили Е. Драгалина-Черная (ГУ–ВШЭ), Л. Маркова (ИФ РАН), Ю. Моркина (ИФ РАН), Д. Мельникова (МГУ), А. Павленко (ИФ РАН), А. Антоновский (ИФ РАН). В частности, Елена Драгалина-Черная обратила внимание, что предложенное Линн Бейкер выделение сущностных характеристик артефактов, в силу которых они участвуют в универсуме сущего, не учитывает социальной детерминированности этих

характеристик. А Александр Антоновский вывернул наизнанку тезис Ханса Раддера, поставив вопрос о том, почему нормативность в сущности своей технологична.

В начале второй части конференции, раскрывшей тему артефактов и технологии в исторической перспективе, *Эндрю Пикеринг* (Университет Эксетера, Великобритания) представил доклад «Наброски иного будущего: кибернетика в Великобритании, 1940–2000». Обращение к истории развития английской кибернетики служит для докладчика средством выявления новых, еще не до конца реализованных схем взаимодействия современного человека и окружающей его действительности. Кибернетика, наука о сложных структурах, имеет дело со сложными, неравновесными, постоянно меняющимися системами, которые способны взаимодействовать друг с другом. Родившийся в этой науке «кибернетический подход» к реальности, характеризующийся отказом от жестких наперед заданных паттернов и опорой на размытую, выстраиваемую функциональность, проявился в иных областях деятельности – от архитектуры до менеджмента – и в скором времени может стать доминирующей философской и культурной парадигмой.

Отто Сибум (Упсальский университет, Швеция) в докладе «Крутильные веса Кулона: исследование материальной культуры французского просвещенного рационализма» представил зависимость культуры и технологии в несколько ином свете. Опираясь на историю создания крутильных весов, позволивших Кулону открыть закон взаимодействия электрических зарядов, докладчик показал социальную обусловленность данного опыта. Крутильные веса Кулона были материальным воплощением принципов рационализма, господствовавших в предреволюционной Франции, требовавших сведения физических процессов к равновесным состояниям. Опыт Кулона имел далеко идущие последствия для истории изучения электричества, поскольку в ходе его проведения были впервые осуществлены точные измерения, сделавшие электрические явления объектом физической науки.

Стив Фуллер (Университет Уоррика, Великобритания) в докладе «Природа как артефакт: где онтология встречает теологию и социологию» показал, как в средневековой христианской Европе формировалась ключевая для современной социологии техники идея артефакта – представление о «сконструированности» всего сущего. Научная революция Нового времени еще более усилила это представление, концептуализировав природу как механизм. А в настоящее время креационистские теории «разумного замысла» (Intelligent Design) продолжают эту линию. При этом и человек приобретает особый статус на границе природного и сверхприродного: будучи сам артефактом, он способен производить новые объекты, уподобляясь Творцу всего сущего.

Завершил это пленарное заседание доклад *Елены Желтовой* (ИИЕТ, Россия) «Ранняя история авиации в культуре Европы и России: между теологией и социологией», в котором также рассматривалась проблема взаимодействия теологического мышления и технологии. Используя богатый иллюстративный материал, докладчик показал, как появление новой техники – самолетов – провоцировало рождение новых мифологических образов, то созвучных религиозному сознанию, то противопоставлявшихся ему.

С комментариями в этой секции выступили А. Липкин (МФТИ), Д. Куракин (ГУ–ВШЭ), Д. Дроздова (ГУ–ВШЭ), В. Вахштайн (МВШСЭН). Особое внимание привлек провокативный доклад С. Фуллера, который ввел в философско-социологическую дискуссию теологическую перспективу, что вызвало немало вопросов со стороны слушателей.

Третья пленарная секция, проходившая 16 ноября, была посвящена представлению современного состояния области исследований науки и технологии и тех вызовов, которые перед ней стоят.

Открыл секцию доклад *Гарри Коллинза* (Университет Кардиффа, Великобритания) «Аспекты третьей волны исследований науки», который был посвящен теме научной экспертизы. После длительного периода скептического и сдержанного отношения к содержанию научного знания, который пришел на смену просвещенческой уверенности в универсальности и непоколебимости научных истин, «третья волна» науковедения вновь обратилась к теме истинности положений, выдвигаемых наукой, и их влияния на принятие общественно значимых решений. Здесь и появляется проблема компетентности эксперта: кто может стать достаточно авторитетным посредником между научной лабораторией и агорой? Должен ли эксперт сам быть из числа практикующих ученых? Профессор Коллинз в своем докладе указал на еще один источник экспертного мнения, который можно обозначить как «компетентность взаимодействия». В этом случае экспертом может выступать не только действующий специалист, но и человек, который тесно взаимодействует со средой и становится носителем знания не через практику, а посредством общего коммуникативного поля.

Затем *Тревор Пинч* (Корнелльский университет, США) в докладе «Наделение нечеловеков правами: некоторые обыденные онтологические исследования» коснулся широко обсуждаемого сегодня вопроса о том, каким образом элементы технологической инфраструктуры, «нечеловеки» воздействуют на человека и человеческое сообщество, принуждая его к определенным действиям (как «лежачий полицейский») и даже трансформируя его привычки и стиль жизни (микроволновая печь). При этом докладчик показал, что, обретаясь в человеческом мире, вещь становится участником сложной знаково-смысловой системы указателей и отсылок, порождаемых человеческими интенциями и действиями.

Представленные доклады породили интересную дискуссию о природе научного знания, природе человека и технологическом производстве человека, в ходе которой прозвучали комментарии Б. Юдина (ИФ РАН), К. Фурсова (ГУ–ВШЭ), А. Кожанова (ГУ–ВШЭ), З. Котельниковой (ГУ–ВШЭ), Г. Юдина (ГУ–ВШЭ) и В. Вахштайна (МВШСЭН).

Четвертая часть конференции была посвящена презентации российских институций, принимавших участие в работе конференции и занимающихся сходной тематикой. На этой секции выступили представители центра фундаментальной социологии ГУ–ВШЭ (руководитель А.Ф. Филиппов), сектора социальной эпистемологии ИФ РАН (заведующий И.Т. Касавин) и лаборатории экономико-социологических исследований ГУ–ВШЭ (заведующий В. Радаев). Они рассказали об основных направлениях научной деятельности этих подразделений.

На заключительной сессии участники конференции делились своими соображениями о будущем исследований науки и технологии. Выяснилось, что многим стало тесно в рамках STS и многие из них, включая С. Фуллера, уже не относят себя к этой области знаний, а развивают собственные направления. Каждый видит перспективы развития данной области по-своему. Многие высказывали надежду, что конференция поможет перейти к новому этапу развития STS, а для российских участников – послужит стимулом для дальнейшей работы и взаимного сотрудничества. И если на Западе традиция подобного рода исследований существует уже многие годы, российская академическая среда еще только знакомится с этими формами междисциплинарных исследований, созвучными современному постпозитивистскому настрою в философии и социологии. В этом, несомненно, кроется причина явно асимметричного построения конференции: большая часть докладов была сделана зарубежными исследователями, а на долю российских участников приходились комментарии и реплики, которые даже не всегда находили отклик у западных коллег. Было заметно, что и основная дискуссия достаточно быстро превращалась в «междусобойчик» для старых знакомых. Лишь местные социологи могли поддержать разговор на заданном уровне, тогда как диалоги с участием историков и философов не всегда были удачны. Тем настоятельнее проявилась необходимость преодолеть существующий интеллектуальный разрыв, и прошедшая конференция должна послужить к этому толчком.

Материалы конференции будут представлены в сборнике «Онтология артефактов», выход которого ожидается в скором времени.